

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ НАУЧНОЙ ГРАММАТИКИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Перед бурятоведением в предстоящем десятилетии будет стоять очень важная, ответственная задача: создать новое грамматическое описание бурятского языка, "Академическую грамматику", которая подведет итоги развития знаний о бурятском языке за последние полстолетия. Создание фундаментальной "Грамматики", обобщающего свода всех существующих знаний о некотором языке, всегда является крупным событием не только для специалистов-языковедов, но и для народа, носителя этого языка. Подводя итог работам многочисленных специалистов, "Грамматика" является важной вехой в развитии самого языка. Конечно, ее прямое и главное назначение — показать язык, осветить новым теоретическим пониманием все языковые факторы, т.е. представить современное знание о языке. Но она должна также осознать и оценить тенденции развития языка, т.е. показать возникающее в нем, рождающееся и укрепляющееся в общем употреблении, а также и то, что уходит, вступает в конкуренцию с новыми формами, с новыми способами передачи некоторого содержания и отступает, сужая сферу употребления и, возможно, приобретая статус стилистического средства языка.

В какие-то исторические периоды обновление "Грамматики" требуется чаще, в какие-то реже. Русская академическая грамматика впервые за советское время вышла в 1953 г., вскоре после войны, — и это не случайно. Потребность в ней была столь велика, что через семь лет она была переиздана без изменений. А еще через 10 лет вышла однотомная академическая "Грамматика русского литературного языка" (1970). В ней отразился следующий этап развития науки о русском языке. Новое лингвистическое мировоззрение диктовало новые взгляды на формы русского языка и отношения между ними. Тем самым требовалась и новая структура самой "Грамматики". Это был значительный шаг вперед по сравнению с "Грамматикой русского языка" 1953 г., которая для своего времени тоже была крупным научным достижением. Прошло еще 10 лет, и в 1980 г. выходит двухтомная "Русская грамматика". В ней русский язык опять предстает несколько по-иному. Грамматика-70 подводила итоги теоретическим исканиям 60-х гг., когда лингвистическая мысль в нашей стране была особенно интенсивной; она показала, что традиционный взгляд на уже известные факты — не единственно возможный. А отсюда открывались новые пути движения лингвисти-

ческой мысли — не только вширь, к новым, ранее не замеченным фактам, но и вглубь, к выявлению новых связей между известными фактами, к раскрытию механизмов и закономерностей жизни, функционирования языка.

Грамматика-80 создавалась в другую эпоху, которую называют теперь эпохой застоя в социальной жизни. В языкознании социальные ситуации отражаются не так непосредственно, как скажем, в экономике или литературоведении; но и для лингвистики застой не проходил бесследно. Авторский коллектив Грамматики-80 проделал большую работу, стремясь к максимально полному охвату материала, к исчерпывающей инвентаризации и скрупулезной классификации фактов, — "движение вширь". Ради этого приходилось жертвовать теоретической целостностью концепции, единством частей, логической непротиворечивостью. В итоге можно, по-видимому, сказать, что эти две грамматики в известном смысле дополняют друг друга. Первая открывает возможность оригинального теоретического осмысления фактов, заставляет думать о принципах организации русского языка, о его категориях и механизмах. Вторая — наглядно демонстрирует огромные богатства русского языка и определенным образом стремится их упорядочить, показать читателю систематизированные коллекции фактов, являя собой незаменимое справочное пособие.

Исследователей, посвящающих свои силы раскрытию загадок, которые все еще хранит в себе русский язык, в нашей стране тысячи. Поэтому десять лет — это срок, в течение которого представления о многих сторонах русского языка успевают существенно обновиться. Коллективы исследователей других языков нашей страны, в том числе и языков Сибири, далеко не столь многочисленны. Они насчитывают в лучшем случае несколько десятков специалистов. Поэтому десятилетие — слишком короткий срок, чтобы научная продукция этих маленьких коллективов сделала актуальной задачу переработки сложившихся грамматических представлений. Но полстолетия — это уже достаточный срок. И для многих коллективов, изучающих разные языки нашей страны, этот срок уже наступил или наступает. Многие грамматики были написаны в предвоенные годы, например, алтайская (ойротская) и шорская грамматики Н.П. Дыренковой, эвенкийская (тунгусская) грамматика Г.М. Василевич и др.; многие грамматики, в том числе и тувинская, и бурятская, создавались в послевоенные годы. Их "юбилей" тоже не далеки¹.

Языковеды Бурятии уже ощутили и осознали несоответствие "Грамматики", вышедшей в 1962 г. (а подготовленной, разумеется, раньше), современным теоретическим представлениям и требованиям практики: школьно-вузовского преподавания, повседневной "службы языка", издательского дела, радиовещания и других культурно-языковых потребностей. Если потребность осознана, она должна быть удовлетворена.

Какой же должна быть новая "Бурятская грамматика"? Что именно в ней должно быть новым?

Сам по себе бурятский язык, конечно, изменился за 40 лет, но не настолько, чтобы из-за этого переписывать всю грамматику. Из-

менились не столько факты языка, его формы и закономерности, сколько понимание этих фактов, глубина проникновения в материал. То, что полстолетия тому назад оставалось неясным или даже совсем неосознанным, теперь осмыслено, отражено в описаниях, статьях и книгах. Но эти новые знания рассеяны по разным изданиям и доступны только узкому кругу специалистов. Важнее же другое: каждое специальное исследование в области языка направлено вглубь какого-то избранного автором "предмета"; недаром профессионалы, говоря о своей работе, употребляют глагол "копать": "копать" залог, или наречие, или ударение. Процесс добычи нового научного знания действительно можно сравнить с разработкой шурфа: пусть даже полого - все равно он идет в глубину, в то время как общий уровень знания в более широкой области практически почти не повышается. Этот уровень углубляется лишь постепенно, по мере того, как таких "шурфов" становится много и они располагаются все ближе друг к другу, объединяясь в систему: "фронтальное" углубление исследований в некоторой области закономерно сопровождается появлением теоретических концепций, позволяющих под единым углом зрения рассмотреть относительно независимые, на первый взгляд "пестрые", факты. Тогда открывается возможность увидеть "картину в целом" и отразить ее в грамматическом описании языка.

Вот именно эта задача - осознать то новое, что накоплено бурятоведами за "подотчетный период", и показать язык таким, каким он не мог быть увиден и показан пятьдесят лет назад, но уже может быть показан теперь, в самом конце XX в., - и стоит перед новой "грамматикой бурятского языка", работа над которой должна развернуться в последнем десятилетии нашего века.

В этой статье я попробую высказаться о том, как мне видится эта грамматика: какие в ней должны быть новые разделы, что должно излагаться существенно иначе, чем раньше, какую структуру придать этой работе, как распределить материал. Берясь за эту статью, я исхожу из того, что мои соображения послужат толчком для свободного развития мыслей моих коллег, и в ходе свободных научных дискуссий будут найдены оптимальные решения по всем важным вопросам - пусть не те, которые видятся мне. Очень желательны, чтобы в таких дискуссиях приняли участие не только специалисты-бурятоведы, но и тюркологи, и тунгусо-маньчжуроведы. Ведь сходные задачи возникают почти одновременно перед целым рядом научных коллективов нашей страны, и в том числе - автономной Сибири. Уже вышли в свет грамматики башкирского и туркменского языков. В Якутске уже полным ходом идет, приближается к завершению работа над вторым томом "Якутской грамматики", посвященным синтаксису; ее первый том уже несколько лет стоит на наших книжных полках². Приступил к созданию своей грамматики коллектив Горно-Алтайского НИИИЯЛ, как ни малы его силы. К работе над "Синтаксисом" приступает и коллектив Тувинского НИИЯЛИ.

Общеизвестно, что монгольские, тюркские и тунгусо-маньчжурские языки, объединенные в понятие алтайской типологической общ-

ности, в своем и фонетическом, и грамматическом строе обнаруживают глубоко идущее сходство. На данном этапе развития наших знаний нет смысла спорить о наличии или отсутствии между ними генетического родства³. Совершенно достаточно типологического сходства их сегодняшних состояний, чтобы понять, как много "трудных вопросов" грамматики (и фонетики, и фонологии, и морфологии) в их описаниях может и должно решаться с единых теоретических позиций. Более того: необходимо учитывать, что ни один национальный исследовательский коллектив, взятый отдельно, не насчитывает в своем составе желательного числа специалистов по разным разделам грамматики. Следовательно, эти коллективы должны будут напрячь все свои силы, использовать все потенции, чтобы поставленная перед ними сложная задача была решена в течение десятилетия. В этих условиях было бы крайне неразумно решать порознь те задачи, которые можно решать вместе, равномерно распределяя теоретическую нагрузку. Объединенные семинары по "Грамматикам", взаимное рецензирование разделов, коллективное обсуждение наиболее сложных и спорных вопросов, совместная подготовка и публикация "сопутствующих исследований", без которых невозможно представить себе написание такого труда, — это, с моей точки зрения, очень важное условие достижения успеха на данном пути.

"Граматику бурятского языка", как и грамматики основных тюркских языков Сибири, я представляю себе как двухтомное издание. Первый том, условно именуемый "Морфология", должен включать, кроме собственно морфологии, несколько относительно самостоятельных разделов вводного и вспомогательного (по отношению к грамматике) назначения. Это, во-первых, введение, во-вторых, очерк фонетики и фонологии, в-третьих, раздел "Морфонология".

Во введении должны содержаться лаконично изложенная, но в то же время богатая информация о бурятском языке, о его положении среди языков мира, в частности — в монгольской семье; информация об исторических корнях бурятского этноса по современным научным данным, о его прошлом и настоящем: о числе говорящих, о масштабе и качестве преподавания, об основных этапах развития письменности и о корпусе языка, т.е. об объеме и качественном составе текстов, представляющих бурятский язык, а также о тех социальных, историко-культурных процессах, которые определяют "лицо" бурятского языка сегодня. Здесь должны быть описаны те перемены, которые произошли в нем в течение последнего полувека, и те тенденции, о которых с должным на то основанием можно судить сегодня⁴. Во введении должно найтись место и для представления современных диалектов бурятского языка, и для ряда других моментов, на которых сейчас останавливаться нет возможности. Объем введения должен быть около 1,5 листа.

Далее необходим раздел, посвященный фонетике и фонологии, а следом за ним раздел "Морфонология". Эти разделы не могут не быть внутренне связаны между собой, но в то же время каждый из них характеризуется своей спецификой, которая должна четко осознаваться и формулироваться.

Фонетическое описание звуков бурятского языка должно опираться на экспериментальные данные и носить артикулярно-акустический характер. Но я хотела бы обратить внимание на то, что в "Грамматике", ориентированной на широкого читателя, особенности звуков должны описываться самым простым, общепонятным языком, ибо транскрипционные знаки, понятные специалистам, для простого читателя, даже филолога, но не фонетиста, остаются загадкой. Надо шире использовать опору на звуки других, относительно известных языков: русского, английского, немецкого, тюркских.

Фонологическое же описание должно исходить из принципа взаимной противопоставленности звукотипов, "различителей звуковых оболочек слов и морфем", и раскрывать именно фонологическую систему языка. Думаю, впрочем, что по сути своей эти разделы достаточно традиционны, и мне, как не фонетисту, нет смысла входить в детали этих описаний.

Что же касается раздела "Морфонология", то несколько слов по этому вопросу сказать, мне кажется, необходимо. Бурятский язык последовательно сохраняет принцип сингармонизма. Поэтому я не представляю себе такой грамматики бурятского языка, которая обошла бы эту его особенность или коснулась ее только мельком, в общей форме. Сингармонизм – это не только, и даже не столько "явление звукового строя", как ни тесно связан он именно со звуками и звукотипами, – скорее это явление грамматическое. Корням бурятского языка, как и тувинского, алтайского, эвенкийского, присуще определенное соотношение вокальных и консонантных компонентов, т.е. определенное "сингармоническое качество". В отношениях между гласными и согласными корня нет "первичности" и "вторичности", они просто "даны вместе", взаимно определяя друг друга. "Закону сингармонизма" подчинены связанные с аффиксальными морфемами последующие "слоги". Но если объект сингармонизма – морфема, то и сам закон должен рассматриваться в своей двуединой сущности, как явление морфонологии, а не просто фонетики или фонологии. Я думаю, что понять сингармонизм с позиций "чистой фонетики" невозможно.

Задача раздела "Морфонология" состоит в том, чтобы наглядно представить все единицы (морфемы) бурятского языка, подверженные сингармоническому варьированию, и показать в действии принципы работы этого лингвистического механизма: как, в каких условиях и почему именно так варьирует та или иная морфема.

Далее должно начинаться изложение самой грамматики, описание грамматического строя современного литературного бурятского языка, его морфологии и синтаксиса. В конечном счете "Грамматика" должна показать эти стороны языка в их внутреннем неразрывном единстве, т.е. именно так, как это и обстоит в действительности. Морфология является такой или иной в соответствии с тем, каков синтаксический строй языка. Эти стороны языка-объекта определяют и "взаимно предсказывают" друг друга. Но в грамматическом описании, поскольку оно линейно, одновременно говорить и о том, и о другом нельзя. Традиция описания предписывает сначала

ла рассмотреть морфологию и лишь затем обращаться к синтаксису. Поэтому важно осознавать природу и естественные границы этих разделов описания.

Грамматика оперирует разными объектами, и разных "единиц" у нее немало, но главные - это слово и предложение. Соответственно этому и проводится обычно разграничение между морфологией и синтаксисом, а тем самым естественно по этому же основанию провести границу между первым и вторым томами проектируемого грамматического описания бурятского языка.

Ни слово, ни предложение в бурятском языке не являются простыми, элементарными единицами. Они имеют внутреннюю организацию, "устроены" определенным образом - как в плане выражения, так и в плане содержания. И слова, и предложения представлены множеством структурно-функциональных типов. Оба плана этих единиц, будучи тесно связаны между собой, подчинены вместе с тем каждый своим специфическим законам, в частности - своим законам варьирования, изменения. Раскрыть закономерности этих видоизменений языковых единиц при их функционировании в речи, показать их типологию - в этом состоит главная, "генеральная" задача "Академической грамматики бурятского языка".

Подчеркну, что речь идет о главных единицах языка, которые реализуются в речи. Различение языка и речи считается одним из важнейших достижений лингвистики XX в. Провозглашенное Ф. де Соссюром в начале нашего века, это различение отнюдь не быстро и не легко входило в глубины сознания языковедов. Быстрее всего было освоено понятие фонемы. Фонема как звуковая единица языка противопоставляется представлению о физической и физиологической реальности звука речи. Понятие фонемы и сейчас трактуется отнюдь не однозначно, - но оно "привилось", им пользуются все. Естественно вошел в практику лингвистических описаний и термин "морфема", - он существовал уже раньше, и именно он передал свой суффикс -ема другим терминам нового, формирующегося ряда. Новое состояло в том, что морфема противопоставилась алломорфам как своим вариантам и морфам - как своим явлениям в речи. "Эмические" термины стали обозначать сущности. Вошел в практику и термин "лексема" - как имя понятий грамматического и лексикологического. В системе грамматики лексема - это слово, взятое во всем богатстве его грамматических форм, но в отвлечении от богатства его лексических значений, его лексико-семантического варьирования, которое как раз и подразумевается термином "лексема" в лексикологии.

Что же касается "предложения", а тем самым и других синтаксических единиц, то до самого последнего времени они сохраняли, а отчасти и сохраняют двойственность, подразумевая в одних случаях действительно единицу языка, эталон, образец, по которому строятся говорящими речевые "высказывания", или фразы, в других же случаях - сами эти речевые построения. При работе над новой грамматикой необходимо четко сознавать это различие и ориентироваться на единицы языка, которые являются нам, будучи

употреблены в речи, становятся доступными наблюдению и описанию во фразах, произнесенных или написанных. Во избежание смешения этих понятий целесообразно, говоря о синтаксических, конструктивных единицах языка, представлять и называть их моделями: говорить о моделях предложений, моделях тех или иных частей предложения, — например, моделях предикативных узлов, словосочетаний или оборотов данного языка. Термин "модель" подразумевает конструктивную схему, которой поставлена в соответствие определенная функция и синтаксическая семантика. Так, например, модель пары однородных именных членов бурятского языка можно представить как $(T_N^1 + T_N^2)$ хоёр + падеж; например: (Бадма Дугар) хоёр-ые 'Бадму и Дугара'.

Вернусь теперь к морфологии и к ее центральному предмету — слову и лексеме.

Слово характеризуется двумя важнейшими с точки зрения грамматики свойствами. Первое из них состоит в морфологической непростоте его внутреннего строения, т.е. в том, что слово членимо на значимые составные части, именуемые морфемами. Второе состоит в том, что лексема как грамматическая единица языка, оставаясь самой собой, той же самой лексемой (словом), закономерно меняет свою форму. Одновременно что-то обязательно меняется в ее семантике, но это семантическое различие мы не признаем достаточным основанием, чтобы говорить о "другом" слове; новое образование мы называем лишь формой данного слова. Соответственно этому, слово как единица грамматики представляет собой совокупность его грамматических форм — множество, которое осознается как единство, как одно слово.

Очень существенно, что это множество является упорядоченным. Составляющие его единицы, т.е. словоформы, связаны определенными отношениями, которые называются парадигматическими. Иначе говоря, грамматическую структуру лексемы составляет парадигма его словоизменения, а парадигмы принадлежат не отдельным словам, а определенным частям речи. Устройство парадигм, свойственных той или иной части речи (а иногда и определенным разрядам слов внутри частей речи), определяется составом и строением грамматических категорий этой части речи (или разряда).

Таким образом, лексемы той или иной части речи имеют свой объем, который определяется количеством словоформ, предусмотренных парадигмой. Лексемы разных частей речи очень разновелики. Так, лексемы, принадлежащие неизменяемым частям речи, — например, наречие — состоят только из одной словоформы. Объем субстантивной лексемы определяется произведением чисел, соответствующих количеству грамматических значений в составе каждой из категорий словоизменения существительного; в бурятском языке 7 падежей, 2 числа, 7 грамматических значений в структуре категории принадлежности: одно значение "безличное", одно "субъектное" или "возвратное" и 5 личных значений (1-е и 2-е л. ед. ч., 1-е и 2-е л. мн. ч., 3-е л. без различения чисел). Произведение

это составляет $7 \times 2 \times 7 = 98$ форм. Объем глагольного слова несравненно больше — он, по нашим грубым подсчетам, превышает 500 форм. Но дело не только в количестве форм у глагольного слова. Важнее то, что сама структура глагольной парадигмы гораздо сложнее, чем субстантивной. Для того чтобы реконструировать эту парадигму и "сосчитать" задаваемые ею места, необходимо провести специальное, хотя и относительно небольшое исследование.

Своеобразие грамматической организации разных типов лексем является одним из важнейших оснований грамматической классификации словаря, его разбиения на классы, и в первую очередь выделения разных частей речи. Когда существительное как часть речи уже выделено и мы знаем, какие слова являются (должны называться) существительными, не так трудно сосчитать, сколько у них может быть форм, но сейчас я обращаю внимание на то, что исторически и логически само выделение существительного как части речи опиралось на особенность системы его грамматических форм, и прежде всего на способность существительных изменяться по падежам. А эта способность принадлежит существительным в силу того, что в предложениях они выполняют прежде всего роли актантов при предикатах, т.е. являются именами предметных участников ситуации. Поскольку сами эти роли могут быть разными, они взаимно противопоставляются в системе языка. Именно эти ролевые различия (оппозиции) и маркируются падежными показателями. В бурятском языке, как и в русском и тюркских, показатели падежей морфологичны. В языках, где нет морфологических показателей падежей, маркерами актантных ролей становятся специальные служебные слова (например, в английском и французском — предлоги). Японский язык демонстрирует особый тип показателей падежей (или маркеров актантных ролей), которые примерно в равной мере морфологичны и синтаксичны.

Ставя перед собой задачу описания морфологической системы языка, в частности системы морфологических категорий, составляющих фундамент, или своего рода "каркас", грамматического строя каждого языка, необходимо отдавать себе отчет в том, что основной функцией естественных человеческих языков всегда остается живое общение людей по поводу текущих событий; люди участвуют в них, и потому субъективно заинтересованы. А отсюда следует, что в естественных языках нет и не может быть никаких абсолютов, никаких "не нарушаемых никогда ограничений". Живые языки всегда гораздо богаче и гораздо сложнее любых, самых богатых и полных, самых глубоких своих описаний. Поэтому не должно вызывать недоумения то, что среди существительных находятся и такие, которые, допустим, не образуют форм множественного числа. Они просто составляют особый разряд внутри существительных как части речи. И одна из важных задач морфологического описания — выявление разрядов с разными особенностями парадигм в рамках всех категорий слов.

Парадигма глагола много сложнее парадигмы существительного. Она характеризуется внутренними зависимостями на уровне самих

категорий словоизменения, чего в сфере имени существительного нет. Эта внутренняя сложность проявляется, в частности, в том, что объектом грамматического варьирования являются не только глагольные слова, лексемы, но также и отдельные формы. Будучи, с одной стороны, результатом грамматического изменения в аспекте некоторой категории, т.е. формой, тот же самый языковой феномен, как, например, эрэмсээр ($T_{\nu} = \text{мсаар}$), является, с другой стороны, объектом дальнейшего варьирования в аспекте определенных грамматических категорий. Иными словами, определенным формам глагола присуще специфическое дальнейшее формообразование. Например, эрэ=мсээр=ни, эрэ=мсээр=тнай и др.

Первой категорией глагола, делящей все множество глагольных форм на две существенно разные подсистемы, является, с моей точки зрения, категория финитности/инфинитности.

Инфинитные формы, т.е. причастия, деепричастия, а также – в различных языках – инфинитивы, герундии, масдары и т.д., традиционно включаются в состав глагольной лексемы, хотя некоторые лингвисты рассматривают их как особые части речи⁵. Надо, однако, заметить, что понятийно-терминологический беспорядок в этой сфере существенно затрудняет сопоставление форм в аспекте их реальных грамматических свойств: один и тот же термин, например, причастие, деепричастие, подразумевает в разных грамматических традициях (в русистике и монголистике, например) существенно разные по своим свойствам формы.

В языках Сибири многие – но не все! – причастия и деепричастия способны изменяться в аспекте грамматического лица⁶, а причастия – также и падежа (в системе предикативного склонения). Очень существенно, что формы, относимые к одному классу, т.е. разные деепричастия, разные причастия, в алтайских языках Сибири варьируют далеко не одинаково. Так, например, бурятские деепричастия на =жа, =аад, =н, =нгуй и некоторые другие дальнейшему изменению не подвергаются; деепричастия на =мсаар, =халаар свободно принимают показатели всех грамматических лиц (посессивного типа): эрэ=мссэр=ни 'как только я пришел', эрэ=мсээр=ээ 'как только пришел (тот, кто является субъектом главного действия)'. Деепричастия на =бал и =һаар имеют неполную парадигму спряжения: к ним присоединяются только лично-притяжательные, но не субъектно-притяжательные аффиксы.

Своеобразие дальнейшего изменения причастий и деепричастий по сравнению с изменениями финитных форм представляется очевидным. Но "финитное спряжение" осмыслено и изучено гораздо полнее, чем "инфинитное". В новой "Грамматике" каждая инфинитная форма должна быть подробно охарактеризована под этим углом зрения.

Авторский коллектив "Грамматики" должен с единой теоретической точки зрения подойти к таким традиционным терминам и понятиям, как "финитная – инфинитная", или "конечная – не конечная" форма". Каждую глагольную форму бурятского языка необходимо оценить с помощью единой системы теоретических критериев, не огра-

ничиваясь традиционной приписанностью ее к тому или иному классу форм.

Задача состоит в том, чтобы показать реальное многообразие форм и функций там, где традиция предлагает нам один обобщающий термин. До настоящего времени не определен окончательно даже списочный состав причастий и деепричастий современного бурятского языка¹, не подвергнуты критическому анализу и основания отнесения отдельных форм к классу причастий или деепричастий. Известно, что многие деепричастия восходят к косвенно-падежным формам причастий. Но как определить тот момент, когда происходит обособление данной формы, ее выпадение из подсистемы форм более общего типа? Например, надлежит ли форму на хада, передающую значение временной соотнесенности, считать причастием будущего времени в дательном-местном падеже — или уже деепричастием? Чтобы решать вопрос о том, какие формы этого типа уже перешли в класс деепричастий, какие нет (ср., например, ерэ=хэдэ=мни, ерэ=пэндэ=м, ер=ээ=гүй=дэ=мни, ер=ээ=дүй=дэ=мни)², необходимо тщательно исследовать и описать специфические свойства каждой формы, одновременно формулируя принципиальные требования таких классов форм, как деепричастие (и его разновидности), причастие, имя действия и др.

Специфика парадигм словоизменения — очень важный, но не единственный критерий разбиения всех слов языка на классы и подклассы. Другим основанием такого разбиения было и остается своеобразие лексического значения слов, объединяемых в некоторый класс. Понятно, что речь идет не о конкретном значении, не о том, что отличает, к примеру, значение слова хүбүүн 'парень' от значения басаган 'девушка, девочка' или нохой 'собака' от шоно 'волк'. Речь идет именно об абстрактных, категориальных смыслах, о таких компонентах лексического значения, как предметность, процессуальность, признаковость в ее статическом и динамическом вариантах, признаковость предмета или признаковость действия и т.п. (сравним, например: белый, черный — белеть, чернеть — белить, чернить — белизна, чернота). Категориальные признаки тесно сопряжены с составом грамматических категорий и в равной мере определяют их, определяясь ими. Так, например, существительное баатаршалга 'героизм' обозначает признак, свойство героя, а не героя как лицо, "предмет" (ср. баатар — 'герой, богатырь'). Но в то же время слово баатаршалга, обозначая признак, обладает категориальным значением предметности, поскольку ему, как существительному, присущи грамматические категории падежа, числа, принадлежности³. С другой стороны, значение предметности, присущее сочетанию этих грамматических категорий, является производным от представления о настоящих "предметах". Предмет в общежитейском, не философском, не научном смысле понимается обычно как нечто материальное и относительно самостоятельное, так или иначе выделенное (или выделяемое) из среды, в силу чего это нечто мы можем хотя бы мысленно переместить, не разрушая его целостности. В это понятие включаются как активные "предметы", например, по-

ди, животные, стихии — река, ветер, так и пассивные, "инактивные" — растения, "статические" явления природы (утес, луна, озеро, облако) и "артефакты", т.е. изделия человеческих рук (сковорода, кирпич, веревка, седло).

Поскольку в разнообразных ситуациях жизни предметы выступают в определенных типах ролей, которые и говорящий, и адресат речи должны распознавать и различать, не смешивать, постольку в самых разных языках мира формируются различные маркеры этих ролей. В языках с развернутой морфологией это морфологические показатели падежей, флексии или аффиксы. Наличие же парадигмы "склонения существительных по падежам" позволяет распространить понятие "предметности", "определенности" на объекты, отнюдь не являющиеся предметами в исходном смысле слова, например мысль, улыбка, красота, движение и др.

На современном этапе развития наших знаний становится все очевидней, что разнообразие тех общих, широких категориальных значений, от которых зависят "грамматическое поведение" слов, их назначение в речи, их выразительные возможности, шире того диапазона различий, который подразумевается, когда речь идет о категориальных значениях частей речи. Само понятие о частях речи подразумевает лишь полнозначные, полнознаменательные слова, выполняющие номинативную функцию, т.е. выступающие в качестве названий определенных классов предметов или явлений (нередко совмещая номинативную функцию с характеризующей, оценочной и др.). Но наряду со словами-названиями в каждом языке существуют слова, лишённые номинативной функции. Таковы, например, слова-указатели, в европейской лингвистической традиции называемые

местоимениями¹⁰. В европейских языках слова-указатели действительно соотносятся только с именами; местоименные наречия — это лексикализовавшиеся формы тех же заместителей именных позиций; потому — по тому, затем — за тем и т.п. В монгольских языках широко представлены и "заместители глаголов", названные В.М. Надеяевым "местоглаголиями": например, бур. ии(гэ) = 'делать так' (близкое указание), тии(гэ) = 'делать так' (отдаленное указание). В качестве общего для всех слов — указателей и заместителей предлагался и термин "местословия"¹¹.

В грамматиках европейских языков местоимения традиционно включают в состав частей речи; но логика научного рассуждения выталкивает их из этого круга, потому что они и формально, и содержательно соотносятся со словами разных частей речи. Раз так, они принципиально не могут иметь такой парадигмы словоизменения, которая была бы общей для всех местоимений и отличала бы их от полнознаменательных, автосемантических частей речи. Бурятские местоимения, как совершенно правильно заметил В.И. Рассадин¹²,

в миниатюре, но полностью воспроизводят всю систему знаменательных частей речи. И именно поэтому, — здесь я целиком согласна с В.И. Рассадиным, — они должны рассматриваться не как отдельная часть речи, но как особый, иной тип слов. Место-

именя противопоставлены частям речи как словам-названиям и в то же время соотносительны с ними.

Такой же особый класс в лексико-грамматической системе бурятского языка составляют и образные слова. Это очень специфический класс слов, связанный, по-видимому, с особым, "дополнительным" типом представлений о признаках в их множественном единстве и привязанности к предмету. Такие представления о целостных чувственных образах получили широкое развитие в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках. Из тюркских они широко представлены в якутском, который еще на ранних этапах своего формирования испытал сильнейшее монгольское влияние. В меньшей мере образные слова представлены и в других тюркских языках Сибири - в тувинском, алтайском¹³. Но применительно к тюркским языкам правомерность выделения их в особый класс наряду с частями речи и словами-указателями требует серьезного обсуждения. Для бурятского языка это представляется вполне рациональным. Бурятские образные слова заслуживают специального изучения и грамматического описания. Возможно, что в один с ними класс смогут войти и междометия, - но пока этот вопрос лучше оставить открытым.

Четвертый класс слов, противостоящий всем рассмотренным классам, составляют служебные слова. В своей книге "Русский язык" (1947, 1972), которая предшествовала академическим грамматикам русского языка и содержала лишь грамматическое учение о слове, не касаясь вопроса о предложении, В.В. Виноградов противопоставлял частям речи (включая местоимения) класс слов, названный им "частицами речи". "Частицы речи", в свою очередь, подразделялись им на предлоги, союзы, частицы; к этому списку естественно добавить специально не выделенные за малочисленностью слова-связки. Имея в виду алтайские языки, мы должны говорить не о предлогах, а о послелогах, в тувинском выделять у глаголов проклитики с семантикой лица (мен келген мен - 'я пришел'), в обско-угорских языках выделять превербы. Что же касается частиц, в узком смысле, как одного из разрядов "частиц речи", т.е. служебных слов, - то они распадаются на несколько существенно разных типов или разрядов, и один из них - модальные частицы - вплотную смыкается с разрядом "модальных" или "вводно-модальных" слов, которые не вошли ни в один из намеченных выше разрядов. На современном уровне знаний в области и русского, и ряда других языков, включая бурятский, создались серьезные, с моей точки зрения, предпосылки к тому, чтобы включить модальные слова, как и модальные частицы, в состав служебных слов.

Применительно к алтайским языкам, в частности бурятскому, номенклатура служебных слов, выработанная на материале европейских языков, оказывается недостаточной. С одной стороны, категория союзов в этих языках представлена очень слабо: агглютинативные языки почти не испытывают потребности в союзах, ни для связи слов, ни для связи предикативных единиц, поскольку эти связи

в подавляющем большинстве случаев выражаются морфологически-ми средствами. Союзы в каждом алтайском языке есть, этот разряд не пуст, — но бесспорных союзов совсем немного. С другой стороны, в сибирских языках мы находим такие служебные слова, которые трудно отнести к какой-либо из традиционных рубрик, т.е. к послесловам, частицам, союзам, — если, конечно, не перестраивать понятийного содержания этих терминов. Эту ситуацию можно проиллюстрировать такими бурятскими служебными словами, как һаа, хаде. Они похожи на союзы с семантикой обусловленности; с их помощью выражаются условные, уступительные, причинные отношения. Но от союзов они резко отличаются тем, что принимают на себя личные показатели глагола-сказуемого, т.е. выступают в качестве финального компонента сказуемого зависимой части. Например: Шини ер=ээ=гүй, туһал=аа=гүй һаа=шни, хүбүүн, би яахашье һэн аабиб даа (П. Доржиев) — Если бы ты не пришел, не помог, парень, что бы я делал? (=шни — афф. притяжения 2-го л. ед.ч., выражающий лицо зависимого действия).

Служебное слово аад не принимает ни личных, ни каких-либо иных грамматических показателей, это "неизменяемое слово", что сближает его с привычным представлением о союзах. Постпозитивность отличает его от русских союзов, но, например, в латинском постпозитивные союзы нормативны. Грамматический статус таких слов, как хэрбээ, гэже, гэхэдэ, которые тоже сближаются с союзами по одним признакам и противостоят им по другим, требует серьезного внимания и теоретического осмысления. Весьма вероятно, что само понятие о союзе — или, шире, о синтаксической скрепе — для бурятского языка нужно формулировать иначе, шире, чем оно формулируется для русского языка

14

Из сказанного ясно, что служебные слова составляют одну из серьезных теоретических и практических проблем бурятской грамматики. Было бы очень целесообразно и своевременно именно теперь предложить эту тему в качестве диссертационного исследования кому-нибудь из талантливой молодежи. Очень важен с теоретической точки зрения вопрос о грамматических категориях, присущих разным классам и разрядам бурятских слов. В "Грамматике", конечно, должны быть описаны ряды форм, соответствующие той или иной категории, и выделены формальные средства, используемые для выражения грамматических значений, составляющих каждую категорию. Прежде всего это аффиксы с их закономерными фонетическими вариантами, — но если описание закономерностей фонетического варьирования аффиксов будет вынесено в раздел "Морфонология"¹⁵, это позволит разгрузить раздел, посвященный грамматическим категориям, от избыточных деталей, повторений, многочисленных иллюстраций фонетического варьирования, сосредоточив внимание на сущности грамматических категорий как фундамента грамматического строя и конкретнее — на специфике грамматических категорий именно бурятского языка. Эту специфику нужно показать, с одной стороны, на фоне русского, с другой — на фоне

генетически родственного монгольского и типологически близких тюркских и тунгусо-маньчжурских языков Сибири.

В разделе, посвященном существительному, лингвистическая сущность категории падежа должна быть раскрыта на уровне современной науки ¹⁶. Типология падежей обусловлена типами функций, выполняемых каждой из падежных форм. Важно показать, с одной стороны, сами "полярные типы" функций: разные приглагольные, т.е. субъектно-объектные, актантные, связанные с сильным управлением глагола (реже - именных слов), и обстоятельственные (сирконстантные) - в противопоставлении их приименной, притяжательной функции. С другой стороны, важно показать полифункциональность каждого падежа, совмещение нескольких функций, связанных с одной и той же формой. Конкретному описанию каждого косвенного падежа должна предшествовать также своего рода классификация падежей. Поскольку, к сожалению, расположение падежей в традиционном списке носит явную печать случайности, в "Грамматике" они должны быть поставлены в те отношения, в тот порядок, который соответствует их сущности.

Специального внимания заслуживает вопрос о "первом" падеже, представляющем существительное вне контекста. "Первый падеж" в алтаистике связан с целой серией наименований: термин "прямой падеж" противопоставляет его косвенным; этот термин характеризует его, но не может быть признан его собственным названием. На эту роль претендуют термины "именительный", "основной" и "неопределенный". Мне представляется, что термин "именительный" неудобен тем, что слишком сближает этот алтайский падеж с именительным падежом русского языка. В грамматическом описании его следует как раз противопоставлять, привлекая внимание к отличительным особенностям. Термин "основной" неудобен тем, что он ассоциируется с представлением об основе слова, в то время как падежная форма, даже если она характеризуется нулевым показателем падежа, есть словоформа, а не основа, не часть слова. Поэтому самым удачным я считаю термин "неопределенный падеж", следуя в этом предпочтении за В.М. Надеяевым и Е.И. Убрятовой.

Очень важно показать и проиллюстрировать те специфические функции, которые выполняет неопределенный падеж в отличие от русского именительного, - в частности, его использование в функции прямого дополнения при переходных глаголах.

Вопрос этот требует еще серьезного теоретического обсуждения, которое должно предшествовать написанию соответствующих разделов "Грамматики": в самой "Грамматике" спорам уже не должно быть места. В настоящее время еще трудно с полной определенностью утверждать, какая из трех сосуществующих интерпретаций этой формы наиболее адекватна: имеем ли мы здесь дело с формой неопределенного падежа в роли прямого дополнения (что лично мне кажется наиболее адекватным), или перед нами внепадежная форма имени, связь которой с доминирующим глаголом стоит

сильна, что уже не является синтаксической связью. Некоторые языковеды продолжают считать, что мы имеем здесь дело с "винительным неформленным", что, на мой взгляд, свидетельствует о смешении синтаксического представления о прямом дополнении с морфологическим представлением о винительном падеже, понимаемом как единственная форма прямого дополнения. Но это представление давно устарело, в современной науке уже вполне осознаны множественность форм прямого дополнения в одном языке и даже наличие между этими формами функционального противопоставления.

Чтобы решать этот комплекс вопросов, нужно сначала принять обоснованное решение относительно квалификации того целого, которое составляет соединение этой формы с доминирующим глаголом (или с существительным): если это словосочетания, то перед нами падежная форма; если же это аналитические слова, то перед нами внепадежная форма, которая может интерпретироваться как основа. Ясно, что этот вопрос нужно решить до того, как будут рассматриваться косвенные падежи.

Первым среди косвенных падежей должен описываться винительный — самый чистый, последовательный падеж объекта, который формирует представление о действии ("воздействии" на что-то, кого-то) в его противопоставленности состоянию. Особое место винительного падежа не требует пространной мотивировки. Однако, описывая этот падеж, важно отметить и то, что даже его формы способны выступать в обстоятельственных функциях, которые не предсказываются семантикой глагола (например, рус. прошел весь путь пешком, спал всю ночь, всю дорогу ел).

За винительным падежом в "Грамматике" должны следовать другие падежи, в семантике которых значительное место занимают субъектно-объектные функции, связанные с сильным управлением глаголов. При этом "прямые" (в залоговом смысле) глаголы управляют косвенными падежами объектов, в то время как косвенно-залоговые, — например, каузативные в страдательных конструкциях, — требуют косвенно-субъектных именных форм.

В системном описании вперед должны выдвигаться те падежи, в системе значений которых весомость субъектно-объектных функций больше. Видимо, после винительного должен описываться дательно-местный падеж. Этому бурятскому падежу соответствуют два разных падежа в тюркских: дательный и местный. В системе значений дательного падежа преобладают субъектно-объектные функции, местный — почти целиком обстоятельственный падеж. Бурятский дательно-местный падеж свободно принимает на себя выражение пространственно-временных отношений (отвечая на вопросы "где?" и "когда?"), но его объектно-субъектная сфера тоже весьма значительна и заслуживает специального внимания. Это и падеж косвенного субъекта в предложениях с семантикой состояния (например: Намда эшхэбтэр байба 'Мне было стыдно'). Это также падеж субъекта в страдательной конструкции со сказуемым в формах побудительного и страдательного залогов: Баабай=д=аа һайн гэгшээр хур=үүл=ээ хүм (Б. Ябжанов) 'Отцом своим (я) основательно был на-

казан'; Ехээр гугаган голхорхониинь Дамба-да һанагдаба 'Дамбе вспомнилось, как сильно он рассердился'. В случаях типа Намда ном худалдажа абагты! 'Выберите мне эту книгу!' - это, разумеется, падеж адресата действия (или речи).

Вслед за дательным должны рассматриваться другие падежи, в семантике которых объектно-субъектные функции занимают все меньшее место, а пространственно-временные и другие обстоятельственные значения - все большее: исходный, творительный (орудный, инструментальный?), совместный.

Притяжательный (родительный) падеж заслуживает особых комментариев, поскольку в нем ведущая атрибутивная функция не сочетается ни с объектной, ни с обстоятельственной, однако может сочетаться с субъектной функцией; форма родительного падежа в притяжательном словосочетании представляет собой не просто определение, и, может, не столько определение, сколько широко понимаемый "субъект обладания". Важно поэтому показать диапазон конкретизаций этого грамматического значения, которое в силу отсутствия грамматической категории принадлежности в русском и других европейских языках не получило должной разработки в системе европейской теоретической грамматики.

От родительного падежа естественен переход к этой второй грамматической категории бурятского имени существительного - к категории принадлежности с ее иерархической внутренней организацией: личная принадлежность, представленная пятью грамматическими значениями "лица-посессора" (или обладателя), противопоставит субъектной (или возвратной) принадлежности, т.е. принадлежности тому, кто назван подлежащим данного предложения. Поскольку же всем шести притяжательным формам (пять личных и одна возвратная) противопоставит одна непритяжательная, "нулевая" в этой субпарадигме, постольку общее число значений этой категории составляет семь.

Описывая семантику категории принадлежности (и, разумеется, соотносясь с тем, что уже сказано в описании родительного падежа), нужно отметить способность форм с лично-притяжательными показателями функционировать и без субъектного определителя в форме родительного падежа: басага-мни ~ мнини басаган.

Описанию притяжательного склонения в "Грамматике" необходимо, но оно должно быть лапичным и формальным: его можно представить серией таблиц, имея при этом в виду, что специальный раздел "Морфология" вводится в "Грамматику" именно для того, чтобы не загружать основные разделы монотонными перечислениями закономерных, легко предсказуемых фонетических вариантов. Оговаривать нужно лишь те случаи, когда наблюдается какое-то отклонение от общих, известных, уже описанных закономерностей.

Описывая грамматическую категорию числа, желательно заострить внимание на ее специфике по сравнению с русским языком. т.е., во-первых, показать большую избирательность множественного числа, чем в русском, а соответственно и более сильную, чем в русском, интенцию форм единственного числа представлять различ-

ные множества. Таким образом, сфера употребления форм множественного числа не только сужается, но как бы распадается на несколько относительно самостоятельных "случаев", которые требуют описания.

Описывая грамматические категории существительного, нужно иметь в виду, что это описание должно быть базовым для описания других частей речи, особенно тех, формы которых способны субстантивироваться или номинализироваться. Сами понятия субстантивации и номинализации в их взаимной связи и взаимной противопоставленности требуют специального рассмотрения. Говорить о них в связи с существительными еще рано. Однако в разделе "Словообразование существительных" этот вопрос в какой-то мере должен затрагиваться. Подробнее о субстантивации и номинализации должно быть сказано при рассмотрении прилагательных и причастий. Так, о прилагательных будет сказано, конечно, что в роли определений они примыкают к существительным слева и являются неизменяемыми словами. Субстантивируясь, т.е. в абсолютном употреблении, прилагательные приобретают способность изменяться по падежам точно так же, как существительные, что не означает, однако, их превращения в существительные. Но нельзя забывать и о предикативной функции прилагательных, которую они выполняют и в простом предложении, и в зависимой части сложного, — а с этим связаны их номинализация и их участие в предикативном склонении.

Грамматические категории глагола сложнее и богаче именных категорий. Поэтому с глаголом связано гораздо больше неясных, дискуссионных вопросов.

Сравнительно проста грамматическая категория лица. Если иметь в виду "абсолютное" грамматическое лицо, исчисляемое относительно данной речевой ситуации: говорящий — собеседник (и включающие их коллективы) — "не участник(и) речи", то она устроена так же, как в русском и в тюркских языках, но в описании бурятского языка нельзя обходить вниманием формализованную грамматическую категорию относительного лица, которое исчисляется не относительно речевой ситуации, а относительно ситуации другого действия, описанного в главной части данного сложного или осложненного предложения. Показателями грамматических значений относительного лица служат аффиксы личной и субъектной принадлежности: первые, в своей совокупности, выражают факт нетождества субъекта зависимого действия субъекту главного; каждый конкретный личный аффикс соотносит это "особое" лицо с ситуацией речи, так что в конечном счете грамматическое значение, выраженное этим способом, является относительно-абсолютным. Аффикс субъектной принадлежности выражает тождество субъектов.

17
Это значение является чисто относительным.

Серьезного внимания заслуживает категория "времени-наклонения". Современная грамматическая теория все более склоняется к признанию этой "двудеиной" категории одной лингвистической

сущностью, внутренняя структура которой характеризуется значительной сложностью. Применительно к алтайским языкам эта позиция представляется мне еще более обоснованной и "наглядно подтверждаемой", чем по отношению к европейским языкам, на почве которых она сформулирована¹⁸. В бурятском языке (как и других алтайских) достаточно строго выполняется принцип упорядоченного следования морфем: в направлении "вправо от корня" убывает лексичность и нарастает грамматичность значения, вносимого аффиксом. В составе глагольной лексики нет двух позиций для аффиксов времени и наклонения: эти аффиксы связаны отношениями дополнительной дистрибуции, "или - или", что, как известно, является показателем их принадлежности к одной категории. В эту же категорию включаются и "показатели инфинитности", т.е. причастий и деепричастий. Та позиция, в которой появляются в словоформах все названные показатели, открывает собою собственно грамматическую часть бурятского глагола, глагольной словоформы. "Нулевое замещение" этой позиции в составе высказывания знаменует одна из разновидностей императива, вне высказывания эта форма соответствует основе глагола.

Как известно, формы индикатива, т.е. реального, действительного, изъявительного наклонения, "специальных показателей не имеют". В то же время было бы неверно сказать, что индикатив выражается "нулевым показателем". Как обычно говорят грамматисты, он выражается "с помощью временных форм". Однако в каждом языке есть немало форм, которые принято относить к числу временных, хотя по сути дела они или вообще не выражают времени, или совмещают некоторое временное значение с достаточно яркими модальными характеристиками действия. Оценка таких форм как временных оказывается, по сути дела, неправомерной. В русском языке это относится к такой, например, форме, как я взял было этот ключ, но, подумав, положил на место. В тюркских языках Сибири очень нагружена модальными значениями каритивная форма на галак, подразумевающая действие, которое еще не совершилось, но вот-вот должно совершиться, ожидается говорящим. Среди бурятских форм ее аналогом является, по-видимому, только каритивная форма аа=дүй 'еще не', в роли зависимого сказуемого с показателем датива - аа=дүй=дэ: Шүүдэрэй хат=аа=дүй=дэ үрдижэ хэжэ абая 'Пока не высохла роса, возьмемся-ка за работу'¹⁹.

"Надвременной" является в бурятском языке и форма на даг, которая может относиться к любому из абсолютных времен и указывает только на регулярность, воспроизводимость или постоянство действия.

Поэтому описание форм времени-наклонения бурятского глагола требует большой вдумчивости и солидного эмпирического материала, который позволил бы проверить соображения автора раздела, убедиться самому и убедить других членов авторского коллектива в их резонности. Вообще мне кажется важным в рукописном варианте грамматики иметь превышающий ожидания запас иллюстративного

материала, из которого на стадии редактирования можно будет сделать разумный выбор.

Что касается собственно временных значений в системе индикатива, то бурятский язык дает очень интересный и удобный материал для построения теоретической "модели" временной системы, по крайней мере в ее "абсолютной" части. Нередко говорят о возможности только трех абсолютных времен, исчисляемых относительно момента речи: до - в момент речи - после²⁰. Другие формы оцениваются либо как аспектуально-временные, либо как модально-временные, либо как еще каким-то образом "совмещенные". Но мне кажется, что возможны и не "совмещенные" временные (абсолютные) значения, если оппозиции между формами связаны с оценкой временного интервала между действием и моментом речи как длительного или недлительного. Сравним, например, две формы будущего времени: ерэ=хэ=б и ерэ=хэ=мни, или формы прошедшего: ерээ и ерээ һэн (на фоне "нейтральной" в этом смысле формы ерэ=бэ).

Очень важным мне представляется вопрос о соотношении финитных и инфинитных форм, или, иначе, о грамматической категории финитности/инфинитности в системе бурятского глагола.

Хотя грамматическая традиция до настоящего времени не рассматривает финитность/инфинитность как грамматическую категорию глагола²¹, я не представляю себе, как можно свести воедино все формы глагольного слова, построить "модель глагола" того или иного языка, обходя вниманием эту категорию. Я полагаю, что именно с нее и следует начинать анализ глагольных форм, глагола как части речи бурятского языка. И центральным теоретическим вопросом в рамках этой проблемы является, безусловно, вопрос о соотношении финитных и "причастных" форм, которые традицией относятся к инфинитным.

Традиционное определение причастий апеллирует к их способности выступать в роли определений при существительных. Соответственно финитными признаются безоговорочно только те глагольные формы, которые этой способностью не обладают: в бурятском это формы на =на и на =ба. Это влечет за собой чрезвычайно сильное ограничение, - не побоюсь сказать, обеднение представления о системе собственно-глагольных, финитных форм. Получается, что финитного глагола в бурятском языке, - равно как и во многих тюркских, - "как бы и почти нет", а все широкое поле представления действий, их локализации во времени предоставлено причастиям. Поскольку же причастия трактуются как "именные формы" глагола, причастные сказуемые оказываются как бы и не вполне полноценными; возникает даже вопрос, нет ли при них позиции "опускаемой связки". При форме на =һан такая позиция есть, так нет ли ее и при других причастиях?

Мне кажется, что уже наступило время разобраться в этом вопросе и расставить глагольные формы по приличествующим им местам. Это непросто, но это необходимо. Пора, по-видимому, отка-

заться от сведения в одну "форму" нескольких форм, имеющих парадигмы при общей лексико-грамматической основе, включающей характерный формообразующий аффикс: =ха, =даг, =аа, =һан, =һхай и др. Парадигма, в составе которой подобные формы принимают показатели абсолютного грамматического лица, является парадигмой финитного спряжения. Формы, принимающие эти показатели, и должны оцениваться как финитные формы глагола, а не как причастия. А если предложение, в составе которого они выступают как сказуемые, попадает в зависимую позицию, подчиняется другому, главному, оно выражает свою зависимость при помощи падежного аффикса, меняя при этом форму личных показателей. Например: Би ерә=хэ=түй=б 'Я не приду'; Бишыхан Дарима минни ерә=хэ=түй=һөө=һми айна 'Маленькая Дарима боится, что я не приду' (=һөө - аффикс исходного падежа, которым управляет глагол ай= 'бояться'). Мы должны оценить это преобразование соответственно его природе. Термин "причастие" нам в этом несколько не помогает.

Мне кажется, что причастиями следует называть не те формы, которые "способны" быть определениями при существительных (но на самом деле являются сказуемыми, выражают действие, локализованное во времени и отнесенное к определенному действующему лицу), а только те формы, которые действительно являются определениями при существительных. Эти формы можно назвать "неизменяемыми" (поскольку они просто примыкают к определяемому).

Таким образом, я вижу три разные формы, с разными свойствами, с разными парадигмами формоизменения, замаскированные под одну форму термином "причастие": 1) финитные формы глагола, составляющие "корпус индикатива"; 2) инфинитные глагольные формы, выступающие в функции зависимого сказуемого в составе полипредикативных конструкций с управляемой зависимой частью (включая "слабое управление", или "именное примыкание"); 3) причастия, выступающие в роли определений. Финитным формам соответствует парадигма личного спряжения, формам зависимого сказуемого (которые своего терминологического имени не имеют) - сложная парадигма "предикативного склонения", причастиям - нулевая парадигма. Вопрос об их способности принимать аффиксы лица посессивного типа я оставляю пока открытым.

Все эти вопросы я связываю с индикативом. Все остальные наклонения, разумеется, должны быть рассмотрены и описаны на своем месте, но особо задерживаться на них сейчас я не вижу необходимости и не имею возможности.

Большого внимания к себе требует очень сложная и даже внутренне противоречивая категория залога. В отличие от категорий уже обсужденных, залог - не грамматическая, т.е. не "морфологическая", категория глагола, это категория синтаксиса предложения, в выражении которой наряду с глаголами принимают участие и имена в определенных падежных формах; это категория, определяющая отношения действия к субъекту (агенсу, актору) и объекту (пациенсу), а также отношения между ними - через действие, направленное от одного к другому. Семантические роли актора - пациен-

са в их отношении к синтаксическим ролям подлежащего и дополнения получают выражение не только с помощью падежных форм имен существительных, но и с помощью взаимно противопоставленных форм глаголов, которые принято называть залоговыми формами. В алтайских языках формы, традиционно именуемые залоговыми, представлены довольно богато и разнообразно и составляют своего рода систему. Но понятийный смысл термина "залог" в этих грамматических традициях оказывается весьма непрозрачным. Трудно не сосгласиться с тем, что в этом представлении соединены формы и смыслы, которые вовсе не связаны отношениями взаимного исключения, как это постулируется относительно грамматических значений, составляющих одну грамматическую категорию.

Поскольку залоговые формы должны рассматриваться в первом томе, а залоговые конструкции будут представлены во втором, постольку очень важно единство теоретических позиций, из которых будут исходить авторы этих разделов морфологии и синтаксиса; нужно также договориться относительно того, какие стороны этой проблемы будут (должны) освещаться в первом томе и какие – во втором.

Очень важно проследить за возможностями совмещения разных залоговых аффиксов в одной словоформе, за порядком позиций, за функциями совмещенных аффиксальных цепочек и их компонентов. Не менее важно выяснить также и позиции, и семантико-грамматические функции других, "не залоговых" аффиксов, которые в принципе возможны в словоформе бурятского глагола.

Известно, что во всех языках граница между словообразованием и формообразованием довольно относительна, но в алтайских эта относительность ярче, заметнее, чем в русском. Возможно, именно позиция залоговых аффиксов является в этом смысле "пограничной", ибо одной своей стороной аффиксы залогов грамматичны, другой – лексичны. Превращение отдельных залоговых форм в самостоятельные глагольные лексемы правомерно толковать как лексикализацию (словообразование по конверсии), а не как аффиксальное образование новых слов с помощью залоговых аффиксов. Но нельзя исключать и возможности словообразования, индуцированного морфологическим членением по модели лексикализованных ранее образований.

В результате морфологического исследования (и описания) бурятского языка хотелось бы прийти к ограниченному числу моделей слов и словоформ для каждой из частей речи, к списку моделей, построенных по принципу "грамматики порядков". Но этому должна предшествовать большая подготовительная работа.

Лексико-грамматическая категория аспекта тоже, конечно, должна найти описание в "Грамматике". Ее специфика по сравнению с рассмотренными связывается с аналитичностью ее выражения, что выдвигает в число актуальных теоретических задач обсуждение вопроса о разграничении аналитических слов, аналитических форм слова и аналитических конструкций как единиц морфологии и единиц синтаксиса. Кажется относительно очевидным, что формы, включа-

емые в парадигму слово- и формоизменения одной лексемы той или иной части речи, являются именно формами, независимо от того, аналитичны они или синтетичны. Например, форма давнопрошедшего на "aa hэн является одной из грамматических форм времени-наклонения. В качестве форм слова естественно рассматривать также сочетания знаменательных слов со служебными, в частности, имен существительных (и их эквивалентов) с послесловами. Но этот подход предполагает, во-первых, парадигму уже построенной, завершенной, во-вторых, служебные слова строго противопоставленными знаменательным, самостоятельным, "не служебным". Если послеслоги действительно противопостоят самостоятельным словам достаточно последовательно, то в отношении так называемых связочных, вспомогательных и особенно "полувспомогательных" глаголов это пока утверждать никак нельзя.

Поэтому, ставя вопрос о грамматической категории аспекта (или способов действия, или акционсартов), необходимо возможно более четко определить содержание этой категории, выяснить характер оппозиций, связывающих ее значения, вычленив сами эти значения - ибо без этого о грамматической категории говорить, в сущности, нельзя. Конструкции, которые "впишутся" в эту парадигму, можно будет признать аналитическими формами - и на этом фоне оценивать другие аналитические конструкции, остающиеся за рамками аспектуальной парадигмы.

Заслуживает внимания, например, вопрос о том, вписываются ли - и каким образом - в некоторую грамматическую категорию значения такого типа, как "пробный характер действия", "направленность действия в свою или чужую пользу", или эти значения не категориальны, а выражающие их построения надо считать отдельными лексическими конструкциями, эквивалентными аналитическим словам. Если иметь в виду грамматическую категорию способов действия, то ею можно охватить большое разнообразие функциональных форм. Вопрос должен состоять, однако, и в том, до каких пор целесообразно расширять представление о грамматической категории, а тем самым и об одной лексеме... Прежде всего это относится к глагольным словам, поскольку парадигма бурятского глагола и без того практически необъятна.

Известно, что алтайские языки Сибири, будучи весьма последовательными агглютинативными языками, вместе с тем высокоаналитичны. Разного рода аналитические конструкции составляют очень весомую часть общего фонда "форм" этого языка. На материале бурятского языка эти конструкции описаны и изучены глубже, чем на материале других языков Сибири, - им посвящена специальная монография Ц.-Ж.Ц. Цыдыпова²². Но задача написания новой "Академической грамматики" заставляет стремиться к большей ясности, четкости типологии этих форм - структурной и функциональной. Какие сферы языка обслуживаются синтетическими формами и когда, в связи с чем "приходят на помощь" говорящим формы аналитические?

В "Грамматике" необходимо дать четкий ответ на вопрос о том, что такое "аналитическая форма слова", где проходит граница между аналитической формой, аналитическим словом и словосочетанием полусвободного и совсем свободного типа. Ведь в составе аналитических форм на правах их компонентов участвуют синтетические формы, сплошь и рядом функционирующие и как самостоятельные простые формы некоторого слова. Как измерить ослабление их собственного лексического значения? И в этом ли состоит суть дела?

Конечно, приступая к работе по написанию конкретной грамматики, "Грамматики бурятского языка", нельзя ставить перед собой теоретические задачи, далеко выходящие за рамки именно этого языка, как и любого другого, взятого отдельно. Проблема разграничения аналитических форм в системе морфологии и в системе синтаксиса уже давно осознана как проблема общей теории грамматики. Но выбрать определенные принципы подачи этого материала, относительно единые для разных случаев, для разных разделов описания, а значит, и для разных авторов – это задача, которую надо решать, еще "стоя на берегу". Я полагаю, что вопрос об аналитизме, об аналитических конструкциях должен быть освещен в отдельном разделе, предшествующем описанию частей речи.

Так мне видится основной круг проблем, непосредственно связанный с написанием первого тома "Грамматики". Не касаясь пока специальной проблематики синтаксиса, потому что ее рассмотрение потребовало бы удвоения этой и без того очень большой статьи, я хотела бы в заключение остановиться на некоторых "требованиях", которые можно адресовать "Морфологии" в предвидении того, о чем будет говориться в "Синтаксисе" с отсылкой "назад", к "Морфологии". Частично об этом уже говорилось, но сейчас, подводя итог, я должна подчеркнуть эти места.

Во-первых, рассматривая категорию принадлежности, необходимо иметь в виду ее связь не только с именем существительным, но и с глаголом. Это не случайная связь, не "омонимия аффиксов", не просто "исторический переход" чего-то во что-то. Здесь глубокое внутреннее родство между субъектом обладания вещью (или посессивного отношения к лицу) и субъектом признака, состояния и действия. Ни в коем случае не допустимо видеть в посессивном оформлении не-имен признак, а тем более доказательство их "субстантивации". Посессивные показатели – это полноправное средство грамматического выражения категории лица. Можно добавить: в ее относительном и относительно-абсолютном вариантах, но ведь и абсолютное будущее ближайшее бурятского языка, и спряжение глаголов в алтайском языке, и парадигма спряжения эвенкийского глагола показывают, что эти аффиксы проникают и в систему собственно-финитного спряжения, где они выражают абсолютное лицо деятеля.

Во-вторых, рассматривая категорию падежа в разделе, посвященном существительному, надо иметь в виду весь диапазон действия этой категории бурятского языка. Она распространяется не

только на узуально и окказиовально субстантивированные прилагательные и причастия (не говоря о местоимениях и числительных), но и на номинализованные формы предикативных единиц, в составе которых падежные аффиксы принимают сказуемые — "причастия". Это достаточно прямое следствие "алгебраичности", "конструктивности" агглютинативного бурятского языка. И в задачу авторского коллектива обязательно должно войти раскрытие содержательной специфики этой бурятской языковой категории по сравнению с падежами русского языка. Конечно, подробнее эти возможности будут показаны во втором томе, где пойдет речь непосредственно о синтаксических функциях падежных форм, не только отдельных словоформ, но и более сложных синтаксических построений, принимающих падежные формы. Но "Морфология", рассказывая о падежах существительных, должна готовить почву для более широкого разговора о падеже.

В-третьих, задачи синтаксического описания нужно постоянно держать в уме, рассматривая проблемы залога. Это так очевидно, что задерживаться на этом сейчас не хочется.

Наконец, в-четвертых, очень важно распределить между первым и вторым томами "Грамматики" весь материал, связанный с аналитическими формами. Я считаю, что в первом томе должен быть специально выделен раздел, посвященный месту аналитизма в бурятской морфологии и типологии аналитических форм бурятского языка.

Примечания

¹ Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. — М.; Л., 1940; Она же. Грамматика шорского языка. — М., 1941; Она же. Грамматика хакасского языка. — Абакан, 1948; Василевич Г.М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. — М.; Л., 1940; Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. — М.; Л., 1959. — Т. 1; 1961. — Т. 2; Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. — М., 1962; Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка: Синтаксис. — М., 1962; Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. — М., 1961.

² Грамматика современного якутского литературного языка: Фонетика и морфология. — М., 1982; Грамматика современного башкирского литературного языка. — М., 1981; Грамматика туркменского языка. — Ашхабад, 1970.

³ Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. — М., 1981. — С. 5-6.

⁴ См., например: Шагдаров Л.Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. — Улан-Удэ, 1974.

⁵ Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. - М.; Л., 1959. - Т. 1.

⁶ Черемисина М.И. Деепричастия как класс форм глагола в языках разных систем // Сложное предложение в языках разных систем. - Новосибирск, 1977. - С. 3-28.

⁷ См.: Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций. - Новосибирск, 1986. - С. 89, 160.

⁸ Ср.: Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. - Глагол. - М., 1964. - С. 241.

⁹ Виноградов В.В. Русский язык. - М., 1972. - С. 46.

¹⁰ Там же. - С. 301-302. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. - М., 1981. - С. 349.

¹¹ Надеяев В.М. Современный монгольский язык: Морфология. - Новосибирск, 1988.

¹² См. его статью в настоящем сборнике.

¹³ Киле Н.Е. Образные слова в нанайском языке. - Новосибирск, 1972; Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. - М.; Л., 1954; Татаринцев Б.И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. - Кызыл, 1987.

¹⁴ Скрибник Е.К. Синтаксическая семантика конструкций со служебным словом хада в бурятском языке // Синтаксическая и лексическая семантика. - Новосибирск, 1986. - С. 79-90; Она же. - Лексикализованные формы служебного глагола а в современном бурятском языке // Служебные слова. - Новосибирск, 1987. - С. 99-111.

¹⁵ Золхоев В.И. Фонология и морфонология агглютинативных языков. - Новосибирск, 1980.

¹⁶ См. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М., 1974; Курлович Е. Очерки по лингвистике. - М., 1962; Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. - М., 1967; и др.

¹⁷ Скрибник Е.К. О синтаксическом функционировании показателей притяжания в монгольских языках // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. - Новосибирск, 1980. - С. 108-123. Об относительном лице в эвенкийском языке см.: Бродская Л.М. К вопросу о дифференциации именных глагольных форм в эвенкийском языке // Вопросы языка и фольклора народов Севера. - Якутск, 1972. - С. 19-23.

¹⁸ Володин А.П., Храковский В.С. Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение) // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. - Л., 1977. - С. 42-53.

¹⁹ Структурные типы... - С. 98.

20

Плоткин В.Я. Грамматические системы в английском языке. - Кишинев, 1975.

21

См., например: Грамматика бурятского...; Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. - М., 1963; Грамматика хакасского языка. - М., 1975; Грамматика современного якутского языка...

22

Цыдыпов Ц.-Ж.Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. - Улан-Удэ, 1972.